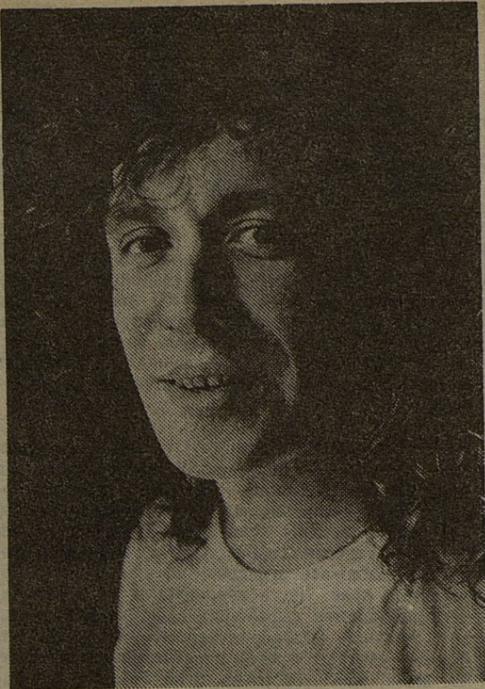

Из жизни знаменитостей

Один из самых популярных музыкантов страны Владимир Кузьмин рассказывает нашему корреспонденту о своей жизни, работе, пристрастиях, идеалах...

БЫТЬ «ЗВЕЗДОЙ»...

а для меня... Я пишу для определенной части публики, это, если хотите, элитарный рок.

— И такая «элитная» публика есть?

— Есть. Но она не ходит на концерты. Приходят обычные люди. В чем заключается моя миссия? Чтобы эти люди, уходя с концерта, улыбались. Пусть я буду где-то клоуном, где-то романтическим героем, пусть девочки всплакнут чистыми слезами, но пусть люди будут довольны и счастливы, они это заслужили. И когда я вижу их такими, я сам счастлив... Видимо, если ты посылаешь хорошие флюиды залу, то людям все равно, какую музыку ты исполняешь.

— Есть города, где вам особенно приятно выступать?

— Ленинград, Киев, Минск, Ростов, Запорожье. Как видите, крупные цивилизованные пункты.

— А наоборот, куда не хочется ехать?

— Гм... Пожалуй, Саратов. Что-то у меня с ним не получается. Но больше всего люблю работать в маленьких провинциальных городах, где все «удобства» во дворе. Помню, в одной такой «дыре» пришли в основном дамы 70—80 лет. Ну, думаю, пропал. Но Божь мой, как они меня благодарили после концерта! Даже уронил скудную мужскую слезинку. Вообще должен сказать, что легче всего работает в многотысячных залах Москвы и Ленинграда. Здесь все тебя знают и тебе почти ничего не надо «делати». А в провинции — другое дело. Здесь публику надо завоевывать. Это тяжело, но, когда ты «забиваешь свой гол», испытываешь большую радость.

— Владимир, было время, когда вы работали вместе с Аллой Пугачевой. Как это произошло и что вам это дало?

— Мой ансамбль «Динамик» начал функционировать в 82-м. В то время рок-музыка была в изгоях. Мои кассеты распространялись подпольно. Однажды мы приехали в Ленинград, где дали 26 концертов с аншлагами в десяти тысячном зале. Сегодня такое невозможно. По телевизору меня в те годы не показывали, а была, повторяю, «кассетная» популярность. И когда Алла случайно пришла на мой концерт и увидела, что зал, стоя, поет вместе со мной, она очень удивилась...

Через какое-то время в одной американской газете написали, что в СССР есть только две звезды — Пугачева и Кузьмин. В то время я не принадлежал эстраде, я принадлежал подпольному «року». И вот Игорь Николаев написал песню «Две звезды». Алла попросила меня исполнить с ней эту песню. И с этих пор у меня образовалась миллионная аудитория, которую я не ждал и не хотел. Через эту песню меня все и узнали. Но это был не я, это был Володя Кузьмин в белом костюмчике, прилизанный, нежным голосом певший песенку «Две звезды», которую я никогда не понимал и не любил. А для публики я стал романтическим идиолом, которым никогда не был, который противен моей духовной сути.

Работа с Аллой, как с режиссером и артисткой, дала мне очень много. Она меня убеждала, что не бывает плохой публики, ты должен работать на любой. Я отвечал: Алла, да ты посмотри, кто сидит — банщики, маникюр-

— В этой невольной паузе шла какая-то внутренняя работа, поиски нового образа, репертуара?

— Да, шла, если хотите, перестройка и образа жизни, и своих духовных и физических качеств.

— И творческих?

— Это у меня постоянно, это у меня в крови.

— Кто пишет вам музыку?

— Все, что я делаю, — пишу сам: музыку, стихи, аранжировку.

— Вам нравится успех? Как вы относитесь к всевозможным хит-рейтингам?

— Я вам скажу честно: не верю всем этим газетным опросам, им цена пять копеек в базарный день. Помню, в 82-м году мой альбом назвали лучшим и еще назвали лучшим гитаристом. В 88-м в хит-параде «Московского комсомольца» первое место по четырем позициям: лучший исполнитель, лучший гитарист, лучший композитор и поэт-песенник. Но меня это не волновало. Говоря нашим сленгом, я был в полной бессознанке, занимаясь совсем другим делом. И эти победы не были для меня творческими победами, я даже не знаю, как их назвать. Быть может, они кому-то были нужны. Когда меня хвалят, особенно песни, которые не люблю, меня это жутко раздражает. Есть песни, ставшие популярными, которые я написал по ошибке. И когда иногда мои друзья, желая сделать мне приятное, заводят эти песни, мне становится стыдно.

— Вы женаты?

— Женат.

— Кто она?

— Вот это как раз тема, о которой я не хотел бы говорить. Это моя жизнь, и она принадлежит только мне. Простите, в этом смысле я для вас не самый удобный собеседник. О чем угодно могу говорить, но не о личном. Понимаете, я очень редко общаюсь с центральными газетами. В основном — с провинциальными.

— А за кого голосовали на президентских выборах?

— Так сложилось, что из-за гастролей проголосовать не удалось, но я голосовал бы за Ельцина.

— Почему?

— Я слушал остальных, и они не внушили мне доверия. Смотрел по телевизору, это было гениальное шоу. Один Жириновский чего стоит — настоящий артист. В общем, был незабываемый спектакль абсурда.

— У вас есть постоянные поклонники, которые даже в другие города выезжают?

— Есть. Случается, даже во Владивосток едут.

— Какие у вас с ними взаимоотношения?

— Никаких. Ничего не имею против них, но контактов избегаю. В основном это, конечно, девочки, что очень меня раздражает. Ведь я пишу для аудитории несколько более, как бы это сказать... компетентной.

— Ваше отношение к классической музыке. Нравится что-нибудь?

— С нее я начинал. Учился на скрипке, училище закончил по классу флейты, играл на фортепиано. Я профессиональный музыкант, но моя профессия — рок-музыка. Поэтому в основном слушаю ее и джаз. А для успокоения люблю послушать клавирную музыку Баха, Генделя... Не полюбил симфоническую музыку, не понимаю Гайдна, Вагнера. Нравится тихая, мелодичная музыка восемнадцатого века.

— Итак, вы профессиональный музыкант, любите Баха, Генделя. Каким же образом в вас «рок» внедрился?

— Знаете, если сказать с большевистской прямотой, для меня в музыке чем меньше аккордов, нот — тем она для меня... ну, в общем, это совсем другая музыка. В джазе, например, были какие-то люди определенные, или в классическом авангарде, они подбирали один аккорд и находили какую-то интонацию, какое-то чувство, так и в рок-музыке. Это вещь необъяснимая, это комок какой-то вот здесь вот сидит с детства, который ты хочешь выплеснуть и передать другим, это странное чувство, которое тобою движет, этот ритм, мелодика. Я это очень люблю, это у меня сидит в крови и не выходит.

— Оперу тоже не любите?

— Терпеть не могу.

— А рок-оперу?

— Вообще ненавижу. Впрочем, одна нравится. Даже очень. «Иисус Христос — суперстар». Это первая и последняя удачная рок-опера. Она очень вовремя появилась. И потому гениальная. Конец 60-х годов, время интенсивного слияния разных культур. Помнится, я тесно общался с хиппи, мы интересовались классикой, живописью. Сейчас я ушел в чистый рок-н-ролл. В принципе он у нас в стране не очень популярен, я сейчас как раз принимаю участие в создании музыкального центра рок-н-ролла.

— А что такое рок-музыка — способ, образ мышления?

— Это, конечно, образ музыкального мышления, которое иными словами или средствами передать невозможно, это определенная форма искусства. Я занимаюсь музыкой, в которой в общем-то американские, негритянские, европейские корни, но русская душа, русская словесная вязь. Это несколько другой вид искусства, чем просто песнопение.

— Идет концерт. Вы чувствуете аудиторию? Вам это нужно?

— Вообще я не отношусь к тем артистам, которые иногда сетуют: это не мой зритель, это не моя публика. Я, например, знаю, что она не моя, она вся не моя по большому счету.

— Вы чувствуете сопротивление зала? Вам хочется завоевать, захватить, покорить публику?

— Разумеется... Можно поиграть в футбол, получить удовольствие, но гол не забить. А ведь истинную радость игроку приносит забитый гол. Так и здесь. Если ты не расположил к себе публику... Я вижу, что она, публика, совсем не понимает, что я делаю. Для нее это придурь.

ши, завмаги, мясники, товароведы, барыги. Она была неумолима и убедительна: они тоже люди...

Мы проработали вместе два года. Она научила меня работать.

— Она охотно исполняла ваши песни?

— Да она никогда не будет петь то, что ей не нравится.

— А сейчас какие у вас отношения с Аллой Борисовной?

— Очень хорошие. Я опять написал для нее несколько песен.

— Вам пришлось работать, как говорится, при всех властях. Когда вам интереснее и легче работало?

— Знаете, все находится в балансе. Когда в 82-м мы записали первый альбом, он стал популярным не в последнюю очередь и потому, что там были запрещенные по тем временам словечки, какое-то политическое озорство. Помню, очень популярной стала песня «Мама, я попал в беду». Это, как тогда говорили, был полный непроходняк. Или песня «На пляже» — о простых советских проститутках. Для того времени это был шок, и он волей-неволей способствовал успеху. В какой-то большой газете меня прилично измордовали за эту песню.

Работа над песней была приятной борьбой с дебилами, придиравшимися к каждому слову. Чтобы выпустить пластинку, надлежало поломать голову над каждой запятой, чтобы она стала «проходимой».

— Ваши литературные пристрастия?

— Очень люблю прозу Пушкина и Лермонтова. Люблю читать материалы о жизни Пушкина. Недавно взахлеб прочитал «Последний год жизни Пушкина». Завораживает в нем квинтэссенция неистребимого русского духа. Это по мне. А любимыми произведениями для меня остались «Идиот» и «Бесы» Достоевского. Эти книги меня просто заводят. Как, впрочем, и весь Федор Михайлович.

— Скажите, пожалуйста, а кто такой Владимир Кузьмин — поэт, композитор, артист? Или разорвать его на части невозможно?

— Не могу сказать, кто я больше... Наверно, все-таки музыкант, ибо ежедневно четыре-пять часов занимаюсь на гитаре.

— А к фортепиано не подходите?

— Рад бы, да негде его водрузить, у меня нет квартиры, бездомный.

— То есть ка-ак?!

— Так... Я все оставил.

— И давно?

— Лет пять уже... А на рояле очень любил играть.

— Уму непостижимо! Звезда совэстрады — бомж. Вот и пойми умом матушку-Россию... А флейта хоть сохранилась?

— Вместе с дипломом, где написано, что я профессиональный флейтист. ...Давно, когда, как говорится, я был мелод и глуп, написал роман.

— Роман?!

— Мне было двадцать лет. Роман назывался «Добрый и слепой». Практически он был о художниках — в широком смысле. Это люди — добрые, наивные, но слепые. Они не понимали, что вокруг них происходит, и попали в такие ситуации... почти как у Достоевского.

— Где этот роман?

— Валяется. Иногда читаю ночью друзьям и никто не засыпает. Он заводной. В расцвете моей эстрадной славы мне предлагали напечатать его. Но мне это не нужно. Я вам могу дать почитать. Там, правда, слишком много личного. Когда перечитываю, удивляюсь — сколько там откровенного и чистого для того времени. Если бы тогда это прочитали, то меня точно бы в дурдом отравили. А в школе я почему-то учился на одни «пятерки».

— Кем вы мечтали стать?

— Футболистом. Как Воронин, Иванов, Джордж Бест. Я хорошо играл в футбол.

Отец у меня военный, жил по разным городам. А в основном на окраине, на границе с Норвегией. И там делать было абсолютно ничего. Я приунылся слушать норвежское и шведское радио, а это в то время — в основном «Битлз» и «Роллинг». И это меня в детстве так вдарило, что я начал заниматься этой музыкой. Взял в руки гитару, и у меня как-то сразу стало получаться, вскоре уже был лучшим гитаристом в районе. И потом, хотите верить, хотите нет, возникла вера, что буду музыкантом, которого будет знать вся страна. Загвоздка была после школы — не знал, что мне делать. Отец настаивал на военной карьере.

— Строгий был батя?

— Очень. Полковник. Морская пехота. Настоящий был такой.

— Крутой?

— Очень крутой. Музыка приходилось слушать, когда он уходил... Сейчас он на пенсии, стал моим горячим поклонником и даже немножко битломаном. Я же живу в основном на колесах и в гостиницах. Так что мой адрес — не дом и не улица...

— Напоследок хочу спросить: за границей приходилось выступать?

— Да, очень много. Во всех бывших соцстранах, ФРГ, Бельгия, Италия, Индия, Корея, ну и, разумеется, штаты. У меня на английском языке совсем другая программа. Помню, в Калифорнии одна газета назвала нас в числе пятнадцати лучших шоу Америки. Прекрасный прием, прекрасная пресса. Раскрепощенная и выдавшая виды американская публика. Подходили и говорили, что могу стать звездой в Америке. Лестно, но мне это не нужно. Я — русский. И хочу быть звездой в России...

Беседу вел Р. ВИТАЛЬЕВ.

Фото Игоря Яковлева

Мужчины и женщины

16.60